

АЛЕКСЕЙ ПУРИН

Бабочка

СТИХИ С КОММЕНТАРИЕМ

I

Евтерпа, бабочка, рампеткой и тебя
пленили наконец. У прозы
камены не было — платочек теребя,
сквозь слезы, с завистью на все метаморфозы
глазела лирика: вот повезло сестре!

Смотрела косо,
как ритмы с рифмами сплетаются в игре
неплодоносного Лесбоса.

И вдруг таинственный живой цветок пророс
среди чухонского мороза —
не сон Новалиса, не медный купорос,
но — полусирин-полуроза.

Воистину, страна чудесная, он — твой
(где⁷ тверже Реомюра стилос!):
кроилось крылышко чертой береговой,
иглой блистающей чертилось.

II

И к радости моей, с трещоткою ни Фромм,
ни Фрейд не забредал в прохладный
магический объем над невским серебром —
чернильницы, что бред, громадной.
Не лечится душа. От санитарных стран,
от голубого лабратора
торопится она, как тленный Монферран,
под сень бездонного собора.

Не sny я на земной язык переводу,
 но невозможность осязання.
 Пусть память роется в младенческом бреду
 потустороннего зиянья;
 пронзенная иглой, пусть ночь лежит ничком
 в дневном беспамятстве широком...
 Но нет в Прекрасном встреч с банальным Стариком
 и костюмированным Роком.

III

Где, — спросишь, — Благодать? — Она живет внутри
 огромных траурниц, смеживших переплеты.
 Возьми одну в ладонь — и, как пыльцу, сотри
 пыль ежесуточной заботы!
 Ажурно-нежива (не говори: «мертва»),
 она лишь оторопь иного
 пространства — лучшего, где утлые слова
 сливаются в пределе в Слово.

Так вслушайся тоской одушевленных сил
 В то, что твердит тебе бумага:
 «Я куколкою стал и гусеницей был,
 но образ чаемый — имаго».
 И мне мерещится грядущей веры храм,
 как бы начертанный харитой:
 не шпиль язвительный, не выпуклый лингам,
 но — вроде бабочки раскрытой.

1996

Бабочка — происхождение этого русского слова загадочно, фонетических соответствий ему нет в других славянских языках. Зато в Ярославской губернии мотыльков некогда называли «душечками». Этимологические словари усматривают в слове «бабочка» архаические представления о душах предков (ворожба, «баба»-ворожея) и о детских игрушках-безделках («бава» — забава). Занятно, что эти толкования позволяют связать напрямую «Душеньку» (1783) Ипполита Богдановича (вольный поэтический пересказ античной истории о Психее и Купидоне) с первыми стихотворными книгами русских сентименталистов — «Моими безделками» (1794) Карамзина и «И моими безделками» (1795) Дмитриева (оба поэта, кстати, имели волжские корни). Представление о душе («псише») как о бабочке (с учетом ее метаморфоз: гусеница — куколка — имаго) уходит в глубокую древность; оно отразилось и в погребальных

обрядов египтян, и в греческой пластике, где Психея изображалась в виде девушки (девочки) с крыльями мотылька. В этом контексте и эпатазирующий образ Лолиты («моей душеньки», мотыльком порхающей по мотелям), и энтомологические увлечения Набокова — отсылки его устойчивых экзистенциальных представлений: стих. «Тайная вечеря» (1918) завершается образом ночных мотыльков, ползущих по столу, за которым сидят Иисус и апостолы; «Да, я узнаю тебя в Серафиме при дивном свиданье», — сказано в стих. «Бабочка (*Vanessa antiopa*)» (1917—1922); «мохнатые цветные червяки» — часть набоковского символа веры (стих. «Знаешь веру мою?», 1921)... Но примеры пусть соберут набоковеды, а мы процитируем только итоговую формулу этого символа — из стих. «Слава» (1942): «Это тайна та-та, та-та-та-та, та-та (чем не танец мотылька? — А. П.), / а точнее сказать я не вправе»; и: «...остаюсь я безбожником с вольной душой / в этом мире, кишачем богами».

Евтерпа (камена, аониды, «сестра») — муза лирической поэзии.

Лесбос — остров в Эгейском море, родина поэтессы Сафо (VI в. до Р. Х.), где, согласно Вяч. Иванову, зародилась «лирика, впервые близкая лирике новых времен: художественная песня-признание, мелодическое излияние дум и чувств личности, умеющей сделать свое душевное волнение <... всеобщую духовную ценностью>» (Алкей и Сафо. Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же. М., 1914. С. 9).

Новалис (наст. имя — Фридрих фон Харденберг, 1772—1801) — немецкий писатель-романтик; в неоконченном романе «Генрих фон Офтердинген» ввел образ «голубого цветка» — символа романтического томления по недостижимому.

Полусирин — на наш взгляд, происхождение псевдонима Набокова следует связывать не только с именем сказочной птицы, но и со словом «sir» (фр., англ. — государь, господин): стойкий мотив набоковского творчества — отождествление «я» с образом «одинокого короля», короля-изгнанника.

Реомюра стило — столбик ртути в термометре.

Трещотка — атрибут прокаженных, предписывавшийся им законами многих древних обществ.

Фромм Эрих (1900—1980) — один из последователей Зигмунда Фрейда (1856—1939); презрительно-негодующее отношение Набокова к фрейдизму, посвящающему на «бабочку поэта сердца» (В. В. Маяковский), общеизвестно и вполне согласуется с его глубинными представлениями о душе и детстве.

Санитарные страны — имеется в виду Швейцария, флаг которой представляет собой красное полотнище с белым крестом — своего рода «негатив» общепринятой эмблемы Красного Креста — и которая известна своими высокогорными санаториями и могилами чужих ей гениев, а также Италия (герб Савойского дома аналогичен флагу Швейцарской Конфедерации); Набоков похоронен в Швейцарии, близ городка Монтрё, где прожил последние годы своей жизни.

Монферран Огюст (1786—1858, в России с 1816 г.) — архитектор, с 1817 г. по 1858 г. занимался проектированием и строительством Исаакиевского собора в С.-Петербурге. Хотел быть погребенным «в одном из подземных сводов означенной церкви, построение которой было [ему] <... поручено» (из прошения Монферрана на высочайшее имя; цит. по: *Чеканова О. А., Ротач А. Л.* Огюст Монферран. Л., 1990. С. 194), чего Александр II не разрешил; был похоронен в Париже; в настоящее время местонахождение его могилы неизвестно. Исаакиевский собор — постоянный объект художественных «воспоминаний» Набокова, например: «...колонны безмолвного, огромного отсутствующего собора» («Адмиралтейская игла»).

Старик — согласно К.-Г. Юнгу, «старик», наряду с «молодой женщиной», — один из основных архетипических образов сновидений и коллективного бессознательного. Предвосхитив Юнга, об этом эпохальном «старике» писал Иннокентий Анненский в стих. «?» (до 1904; в черновиках оно называлось «Поэзия»): «Пусть для ваших открытых сердец / До сих пор это — светлая фея / С упоительной лирой Орфея, / Для меня это — старый мудрец. // По лицу его тяжело проходит / Бороздой Вековая Мечта...». Но уже в «Дегуманизации искусства» (1925) Х. Ортега-и-Гассет констатировал смерть этого архетипа: «Женщина и старец на время должны уступить авансцену юноше, и неудивительно, что мир с течением времени теряет свою степенность».

Костюмированный Рок — имеется в виду учение о «Эдиповом комплексе», одном из краеугольных камней фрейдизма.

Харита — в греческой мифологии «хариты» — три благотельные богини, воплощающие доброе, радостное и вечное юное начало жизни (греч. — «милость», «доброта»); в римской мифологии им соответствуют грации.

